ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ 4-й. Воскресенье, 22 мая 1927 года. № 21.

РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ.

Въ часы вечерней прохлады, когда дискъ раскаленнаго солнца скрывался за горой Гаризимомъ, а въ небѣ высоко протянуты были, словно огромныя руки, послѣдніе лучи палевой зари, и въ узкой долинѣ Сихаря падали свѣжія росы, — у колодца Іакова закипала жизнь: то жаждой истомленныя стада верблюдовъ, овецъ и муловъ, подымая съ дороги отяжелѣвшую пыль, съ крикомъ и блеяніемъ, и ревомъ, обгоняя другъ друга, спѣшили съ подножій Гевала и прочихъ сторонъ на водопой.

Словно стройныя, быстрыя тѣни сюда же слетались изъ города и селеній молодыя самарянки, держа на головахъ и раменахъ пустыя каменныя ведра.

Пока медлительные пастухи черпали воду изъ глубокаго стариннаго колодца, женщины развлекались играми и пляской, либо, разбившись группами, дѣлились новостями дня и промежъ себя судачили — судили. Бѣда тому лицу, кто попадался на острый, словно жало, языкъ самарянской самоувѣренной женщины!

Была въ Сихарѣ въ это время одна грѣшница, по имени Фотинія. Она чуждалась общества водоносокъ, и не было у ней закадычныхъ подругъ. Слишкомъ одинокою чувствовала она себя въ содружествѣ съ грѣхомъ своимъ, извѣстнымъ каждому въ городѣ, а потому она не рѣшалась осмѣлиться на безудержное веселье въ средѣ пестрой толпы самарянокъ съ ихъ колючими-язвительными рѣчами.

Никто не видывалъ ея у древняго колодца вечерами... Другое время дня обычно избирала грѣшница — Фотинія, чтобы наполнить ключевой, холодною водою свои кувшины и не нарваться бы на нежелательную встрѣчу у колодца.

Вотъ почему и этимъ разомъ, въ полдневный жаръ, когда скрывалось все живое отъ лучей палящаго немилосердно солнца, она одна поспѣшно шла по каменнымъ ступенямъ внизъ, къ подошвѣ Гаризима, чтобъ почерпнуть воды изъ древняго „колодца патріарха".

Въ это время нѣкій Странникъ здѣсь сидѣлъ, на каменной плитѣ, на самомъ солнцепекѣ. Невзыскательно было убранство этого, очевидно, бѣднаго іудея пилигримма. Простой хитонъ на Немъ накинутъ, на главѣ — нѣтъ покрывала, и длинные волосы Назорея, какъ пряди льна спадають на уставшія, опущенныя запыленныя плечи жаждой истомленнаго Путника.

Торопливо зачерпнувъ воды при помощи длинной веревки, Фотинія, быть-можетъ, собиралась поспѣшно отправиться въ обратный путь, какъ вдругъ одиноко сидѣвшій у колодца Христосъ (то былъ Онъ!) обратился къ ней со словами: „Дай Мнѣ пить!"

Удивилась самарянка странной просьбѣ невѣдомаго Іудея. Она, вѣдь, знала, какой антагонизмъ былъ между самарянами и правовѣрными іудеями, между этими сродными и по вѣрѣ и по крови народами! Ей извѣстно также и то, что книжники казуисты разрѣшали іудеямъ пить воду прямо изъ самарійскихъ колодцевъ, но изъ рукъ самарянъ принять чашу воды считали оскверненіемъ.

И вотъ удивленная Фотинія спросила: „Какъ же Ты, будучи іудеемъ, просишь пить у меня — самарянки? Ибо іудеи съ самарянами не сообщаются".

— „Если бы ты знала даръ Божій, и Кто говоритъ съ тобою, то ты бы сама просила у Него, и Онъ далъ бы тебѣ воду живую" отвѣтилъ ей Господь.

Не о вещественной водѣ Онъ ей говорилъ, а объ иной живой и животворящей, утоляющей жажду духовной жизни, тогда какъ объ этой именно водѣ не имѣли понятія никакого ученые книжники іудейскіе; она же, эта простая женщина—самарянка, сама того не сознавая, очевидно нуждалась очень въ водѣ живой, страдая отъ жажды духовной.

Здѣсь, у колодца, произошелъ тотъ замѣчательнѣйшій разговоръ между „Носимымъ херувимами и женой—блудницей", который каждому православному христіанину такъ дорогъ и понятенъ. Здѣсь-то, у источника Іаковлева „землю повѣсившій на водахъ и изливающій источники и озера водъ просилъ пить" у презираемой даже соотечественниками самарянки. Эта бесѣда Христа съ женщиной, истосковавшейся въ исканіяхъ Истины, переданная потомству такъ подробно величайшимъ изъ богослововъ — Іоанномъ Богословомъ въ четвертой главѣ его Евангельскаго повѣствованія, свидѣтельствуетъ намъ, христіанамъ, ясно о томъ, что Христосъ-Іисусъ — есть Сынъ Божій и Спаситель міра. Эта же бесѣда, для насъ вѣрныхъ такая ясная и удобовразумительная, для иныхъ самоувѣренныхъ и юродивыхъ является камнемъ преткновенія и соблазна... И падаютъ разные „духовные христіане", споткнувшись объ этотъ камень, и разбиваются, и гибнутъ.

Для чуткой души самарянки было вполнѣ очевидно, что Назорей, ея Собесѣдникъ — не простой человѣкъ, не простой даже пророкъ, а Самъ Христосъ-Мессія. Потому-то женщина, оставивъ водоносъ свой, пошла въ городъ, чтобы разбудить вѣру въ соплеменникахъ,— искателяхъ Бога-Духа и Истины.

И вышли цѣлыми толпами жители Сихема, Сихаря и прочихъ селеній... Словно густые колосья на зрѣлой нивѣ, колыхались-шли лавиною люди къ колодцу, вырытому у подножія священной горы Гаризима. Увидѣвъ такую картину въ часъ неурочный и знойный, Христосъ обратился къ ученикамъ: „Взгляните на нивы: какъ онѣ по-

бѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ уже. И жнущій получаетъ награду, и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную, такъ что и сѣющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ"...

Отецъ — благословилъ, Сынъ — посѣялъ, а Духъ — возрастилъ живое и дѣйственное Слово въ сердцѣ людскомъ.

„Я послалъ васъ жать то, надъ чѣмъ вы не трудились, другіе трудились, а вы вошли въ трудъ ихъ".

Жнецами и жницами оказались апостолы и равноапостольныя труженицы.. И грѣшница — Фотинія-самарянка, благодаря вѣрѣ своей во Христа и огню сердца своего, содѣлалась равноапостольною проповѣдницей Мессіи какъ въ средѣ своихъ соплеменниковъ-самарянъ, такъ, затѣмъ, ревностнѣйшей просвѣтительницей язычниковъ тамъ, за предѣлами узкой Сихемской долины, на западѣ, въ имперіи римской, во дни жестокіе Нерона-изверга. И мученичествомъ за Господа запечатлѣла жизнь свою во Христѣ святая Фотинія, бывшая грѣшница.

Удивительно, — сколько бываетъ подчасъ энергіи и силы воли, и отваги-рѣшимости въ хрупкой на видъ и слабой женщинѣ! На все она рискнетъ, проникнетъ всюду, до дворца цареваго дойдетъ, какъ Магдалина и какъ Фотинія святая, не убоится грозныхъ и безумныхъ выходокъ Нерона и до самой смерти мученической съ неустрашимостью во взорѣ шествуетъ спокойно, съ вѣрой въ Бога... А сколько свѣта, сколько вѣры, сколько правды въ ближнихъ способна зажечь такая женщина своею проповѣдью и, еще больше, — жизнію своею!

Равноапостольныя труженицы, мироносицы, просвѣтительницы! Ваши имена будутъ во вѣкъ святиться, ибо во вѣки будетъ вѣра христіанская здѣсь, на землѣ, свѣтиться!

Въ наши дни, когда ополчился усиленно лукавый на вѣрныхъ сыновъ Божіихъ, сколько простора для работы на нивѣ Христовой для всѣхъ и для каждаго, въ особенности же для ищущей Господа и подвижничества женщины!.. „Волчцы и терніи" на нивахъ возрастаютъ, колючки-будьяки, пырей и сорная осока... Кто въ потѣ лица пойдетъ трудиться? Кто голыми руками вырветъ плевелы колючіе? А вѣдь были когда-то такія полольщицы равноапостольныя! Въ глухой деревушкѣ, большею частью — дочь священника или псаломщика, въ самыхъ низахъ народныхъ и въ низенькой задымленной избенкѣ—школѣ церковно приходской, за замурованнымъ морозами оконцемъ, невѣдомая міру, а зримая лишь Богомъ, несла она свой крестный трудъ сѣяніе—жатвы Слова Божія..

И росли-прозябали нѣжные, лучшіе всходы... Любо-дорого было каждому сердцу послушать, какъ за всенощной читалось школьникомъ шестопсалміе или первый часъ, какъ за литургіей, вмѣсто „причастнаго стиха", какая-нибудь Оленка или Марійка, или Оксанка своимъ звонкимъ голосочкомъ посреди церковки убогой вразумительно выговаривала утреннія молитвы. Словно трели серебрянаго колокольчика слетали—срывались изъ ея чистыхъ дѣтскихъ устъ святыя слова, скрашенныя святою дѣтскою вѣрою и падали, и падали они въ заскорузлую душу пахаря сѣраго, и будили ее, возвышали ее, давали ей пищу. И не-разъ срывали они съ очей родительскихъ слезку благодарности Богу и доброй учительницѣ...

КЪ АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ.

МОЛИТВА УЧИТЕЛЯ.

Ангелъ Божій, мой хранитель,
Ты со мною помолись
И въ небесную обитель
Легче мысли вознесись!
Попроси у Бога Свѣта
Новой силы для меня,
Попроси, чтобъ многи лѣта
Не гасилъ во мнѣ огня.
Пусть сіяетъ онъ звѣздою,
Разгоняетъ ночи тѣнь:
Пусть надъ родиной святою
Будетъ вѣчно ясный день!
Пусть богатый и убогій
Будутъ видѣть солнца свѣтъ,
Пусть въ лачуги и чертоги
Знанье свой проложитъ слѣдъ.
Если жъ жизнь свое теченье
Въ часъ назначенный прерветъ,
Пусть душа въ Твое селенье
Чистой, свѣтлою войдетъ.
Пусть проститъ Богъ прегрѣшенья
Ей по благости Своей,
Хоть не чужды мнѣ сомнѣнья,
Спутникъ грѣшныхъ всѣхъ людей.
Но я каюсь со слезами
Въ глубинѣ души своей:
Порываю связь съ грѣхами
До послѣднихъ жизни дней.

Андрей Мартышенко.

Прошли-миновали года.. Ополчился лукавый... Выросли „Марійки", состарились, ушли со сцены... Заглохъ колокольчикъ серебряный—голосокъ и больше не отозвется славянской чудной трелью посреди старенькаго храма, въ часы „запричастнаго"... Одинокій надтреснутый голосъ дьячка гудитъ-гнусавитъ „подъ Твою милость", и, какъ бы вторя ему, „въ бабинцѣ" (въ притворѣ) и на паперти церковной разгулялись несдержанные голоса мѣстныхъ „антилигентовъ" и „козякъ", пришедшихъ въ церковь только съ тѣмъ, чтобъ себя показать да красные свои шаровары...

Волчцы и тернія растутъ, а Магдалины и Фотиніи равноапостольныя либо ушли отъ Нероновыхъ дней въ катакомбы глубокія своего сердца, либо повымерли уже.

Кто-жъ дѣтскій плачъ утолитъ? Кто воду живую жаждущимъ правды и свѣта прольетъ? Кто хлѣбъ, а не камень, кто рыбу, а не гада подастъ.

Придешь ли, воскреснешь ли еще когда-нибудь ты, великая въ малой школѣ труженица-учительница-христіанка? Или, умученная въ кладезѣ темномъ-глубокомъ всеобщаго невѣрія и безрелигіозности современной, ты будешь свѣтить только и манить къ себѣ нашъ мысленный взоръ, какъ звѣздочка ясная единственная въ темную пасмурную ночь на случайномъ клочкѣ непокрытаго тучами неба?

„Вверху одна горитъ звѣзда,
Она мой взоръ манитъ всегда,
Она мечты мои влечетъ,
И съ высоты мнѣ радость льетъ"...

. . . .

Прошло... миновало... лопухами, глухою крапивой кругомъ заросло...

* * *

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ КНИЖКИ МУРАШКИ: „ЧТО ЗАПРЕЩАЕТЪ И ЧТО ПОВЕЛѢВАЕТЪ СЛОВО БОЖІЕ".*)

О монашествѣ.

(*Глава IX-я*).

Въ главѣ IX-й Мурашка говоритъ, что будто бы пророки не спасались въ лѣсу и пустыняхъ, и что слово Божіе совсѣмъ объ этомъ не учитъ. Это такая ложь, которую не стоило бы даже и опровергать. Спасался въ пустынѣ Іоаннъ Креститель и многіе другіе пророки. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ пишетъ такъ: „Другіе испытали поруганія и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткѣ; умирали отъ меча, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія. Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли. И всѣ сіи, свидѣтельствованные въ вѣрѣ, не получили обѣщаннаго: потому что Богъ предусмотрѣлъ о насъ нѣчто лучшее, дабы они не безъ насъ достигли совершенства" (Евр. 11, 36-40). Вотъ какъ говоритъ апостолъ Павелъ, что міръ не достоинъ тѣхъ людей, которые спасались въ пустынѣ, а Мурашка ихъ поноситъ!

Прочія лжемудрствованія Мурашки.

Въ слѣдующихъ главахъ Мурашка повторяется и ничего новаго не говоритъ.

Въ главѣ: „Мало читается и мало разъясняется слово Божіе", онъ нападаетъ на Православную Церковь за то, что Св. Писаніе читается по установленному порядку, читаютъ его на славянскомъ языкѣ, не разъясняя его.

Въ главѣ: „О непогрѣшимости Церкви", Мурашка снова толкуетъ объ иконахъ.

Въ главѣ: „О поступкахъ священниковъ", Мурашка обвиняетъ священниковъ въ томъ, что будто бы они учатъ убивать людей и берутъ плату за требы.

Въ 24 главѣ: „О клятвѣ", Мурашка отрицаетъ необходимость клятвы и утверждаетъ, что клятва запрещена Богомъ.

Въ 15 главѣ снова говоритъ о клятвѣ и объ убійствахъ.

Въ 16 главѣ: „О покорности властямъ", Мурашка требуетъ подчиненія властямъ только въ томъ случаѣ, когда власть повелѣваетъ что-нибудь хорошее.

Въ 17 главѣ: „Какъ защищать отечество", сочинитель открыто приглашаетъ народъ къ неповиновенію властямъ, если они будутъ призывать народъ силою оружія защищать свое отечество.

Въ главѣ: „Поклоненіе священству", авторъ негодуетъ на то, что священникамъ вѣрующіе люди цѣлуютъ руки и одежду.

Вотъ всѣ главныя мысли, которыя выразилъ въ своей книженкѣ Мурашка.

Православная Церковь читаетъ слово Божіе по установленному порядку, потому что такъ требуетъ Священное Писаніе. Апостолъ Павелъ говоритъ, что „на Христѣ все зданіе Церкви, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святый храмъ въ Господѣ" (Ефесянамъ 2, 21). Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ пишетъ: „Только все должно быть благопристойно и чинно" (1 Корин. 14, 40), „потому что Богъ не есть Богъ неустройства, но мира, такъ бываетъ во всѣхъ церквахъ у святыхъ" (33 ст.). Мурашка требуетъ того, чтобы въ церкви не было стройной организованной системы и порядка во время богослуженія, ему нравится хаосъ, анархія, но не строго согласованная си-

*) См. „Воскресное Чтеніе" №№ 4, 13, 14, 16, 19.

Согрѣшила я.

Быль.

(*Окончаніе*).

Наступила жаркая, страдная пора въ селѣ. Нужно было спѣшить управляться съ косовицей, чтобы не захватило жниво. Сѣнокосы были за рѣкой и крестьяне забирались туда съ семьями на всю недѣлю. Рано, чуть на зорькѣ собралась и Семенова семья на зарѣчный сѣнокосъ. Андрей жилъ тамъ уже нѣсколько дней. Пристально вглядываясь въ блѣдное личико больной Ганночки, Олеся мучилась вопросомъ: оставить ли ее дома, на попеченіи сосѣдки старухи, или взять ее съ собой? Погода жаркая, тихая и она склонилась было на послѣднее свое рѣшеніе. Тряпки, сухіе баранки, нѣсколько кусочковъ сахару было уже связано въ узелокъ.

— А що гэто?.. Куда ты берешь гэтого дохлого циплюка свойго? щобъ тамъ надъ имъ сокотаць, а я буду самая копицы цегаць?.. гэ!.. ци видавъ ты, чоловѣче, таке дзѣло?—раскидывая предъ Семеномъ руками, яростно кричала Грипина.—Покинь тобѣ кажу дзиця дома! а то втоплю, коли возьмешь!.. ну?... хучѣй поворачивайся!

Переполненная чаша страданія не всегда проливается, а иногда какъ будто замораживается леденящимъ душу холодомъ и страдающій становится равнодушнымъ ко всему; такъ было и съ Олесей; наклонившись къ блѣдному личику Ганночки, она, забывъ о себѣ, такъ ласково говорила: Донечко моя! ты не будзешь плакаць?., я скоро приду; тобѣ бабуся дасць молочка, обаранка съ цукромъ; не будешь плакаць, рыбонько моя?

Дѣвочка насильно подняла тяжелыя вѣки и опять закрыла потускнѣвшіе глазки. Олеся, тяжело вздохнувъ, разогнала стаю мухъ отъ личика, накрыла его тряпицей, рванулась къ старушкѣ, только что вошедшей въ хату:

— Бабко, родненькая, не покидай моей Ганночки! давай ей молочко.

— Болиць очко?.. ницъ! заживе скоро, — отвѣтила глухая бабка.

— Молочко, бабко, давай ей, — еще громче, въ самое ухо, крикнула со слезами несчастная мать,—зъ цукромъ давай ей молочко, зъ обаранкомъ!

— Спозаранку?.. авжежъ, спозаранку вертайса, Олесько, а я догляну Ганночку, не бойса, голубко.

Олеся въ отчаяніи поднесла къ самому носу бабки кувшинъ съ молочкомъ, указала на баранки, на сахаръ и еще разъ разогнала мухи надъ ребенкомъ и, поцѣловавъ руку старухи, выбѣжала изъ хаты; а глухая бабка осталась одна съ больной Ганночкой...

Загадочно плыла теплая, звѣздная, полѣсская ночь надъ селомъ О—чи. Но вотъ чуть забѣлѣлъ востокъ. Вспыхнула алая заря... и вдругъ надъ всѣмъ міромъ, надъ холоднымъ сумракомъ жизни, надъ людской злобой разлился живительный свѣтъ, дышащій святой, неизмѣримой любовью Творца вселенной. Все вокругъ затрепетало радостью солнышка и его чудо-

стематичность богослуженія, а Апостолъ Павелъ такъ не училъ, да и нигдѣ въ словѣ Божіемъ не повелѣно, чтобы такъ сумбурно совершать богослуженіе, какъ это наблюдается у сектантовъ. Что касается богослуженія на славянскомъ языкѣ, то славянскій языкъ не есть языкъ непонятный для славянъ; онъ не только языкъ „знакомый", но родной, такъ какъ нашъ теперешній живой языкъ прямо произошелъ отъ старославянскаго, и такъ какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ только рѣдкія слова оказываются непонятными, что легко можно устранить посредствомъ школьнаго обученія. Нужно замѣтить, что вообще всѣ народы отправляютъ свое богослуженіе на языкахъ древнихъ, а не на разговорномъ. Евреи, напримѣръ, молятся на древне еврейскомъ языкѣ, а не на жаргонѣ; арабы на древне-арабскомъ, греки на древне-греческомъ, католики на латинскомъ, сами сектанты на Украинѣ, напримѣръ, молятся на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, Мурашка обвиняетъ самого себя, но не Православную Церковь въ томъ, что будто бы она молится на незнакомомъ языкѣ.

Въ главѣ: „О непогрѣшимости Церкви" Мурашка ничего новаго не сказалъ, поэтому мы переходимъ къ разсмотрѣнію обвиненія Мурашки въ томъ, что будто бы священники призываютъ убивать народъ и берутъ плату за требы. Ни одинъ священникъ никогда нигдѣ не призывалъ народъ къ убійству. Такая наглая ложь, что объ этомъ даже не стоило бы говорить. Если Мурашка здѣсь подразумѣваетъ, что священнослужители въ своихъ проповѣдяхъ говорятъ о воинскомъ долгѣ, то война не есть убійство; нигдѣ, какъ уже раньше говорилось, въ словѣ Божіемъ не сказано: „не воюй". Плата за требы установлена Самимъ Богомъ: Христосъ сказалъ: „Трудящійся достоинъ пропитанія" (Матѳ. 10, 10). Въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь повелѣваетъ, чтобы евреи давали священнослужителямъ за ихъ труды деньги (Числа 3, 46, 51), хлѣбъ и вино (Второзаконіе 18, 5 и 1 ст.), землю (Іезекіиля 45, 4 и 5), Самъ Христосъ принималъ денежное подаяніе (Іоанна 12, 6) и распоряжался этими приношеніями (Іоанна 13, 29). Апостолъ Павелъ прямо указываетъ на то, что онъ получалъ отъ своихъ пасомыхъ содержаніе (2 Коринѳ. 11, 7 и 8).

Мурашка въ 14-й главѣ отрицаетъ клятву и говоритъ, что Богъ запретилъ ее; но это невѣрно. Если мы обратимъ нашъ взоръ на текстъ Священнаго Писанія, то увидимъ, что слово Божіе требуетъ при исполненіи тѣхъ или иныхъ обѣщаній привести во свидѣтельство имя Божіе, таковыя свидѣтельства произнесенія имени Божія носятъ названіе „клятвы" или „присяги". Клятва, какъ извѣстно, есть стародавній обычай, установленный Самимъ Богомъ: „Господа Бога твоего бойся, —и Ему Одному служи, и къ Нему прилѣпись, и Его Именемъ клянись" (Второзаконія 6 глава, 13 ст.). Спаситель Господь Іисусъ Христосъ, пришедши на землю, чтобы спасти родъ человѣческій отъ грѣха, осужденія и смерти, не только не отмѣнилъ установленной Богомъ Отцомъ заповѣди о клятвѣ, но и Самъ произнесъ ее.

Такъ, на запросъ Іудейскаго первосвященника, сказавшаго: „Заклинаю тебя Богомъ живымъ, скажи намъ: ты ли Христосъ Сынъ Божій",—отвѣтилъ: „Ты сказалъ". Слова „ты сказалъ" употреблялись у еврейскаго народа, какъ слова подтверждающія клятву, ибо по закону еврейскаго народа во время присяги клятвы произносилъ священникъ, а обвиняемый или истецъ, или свидѣтель, повторяли ее словами: „Ты сказалъ", какъ бы говоря: „Повторяемъ сказанную священникомъ клятву и подтверждаемъ истинность нашихъ показаній" (Второзаконія 27, 15 и 26 ст.; Числъ 17, 22). Мурашка, желая обезсилить это мѣсто, говоритъ, что клятву произнесъ Іудейскій первосвященникъ; но вѣдь, ее подтвердилъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ. Посему, Мурашка пусть свою ругань обратитъ не на нашихъ священнослужителей, а на самого Спасителя. Мурашка хочетъ обезцѣнить доказательство (приводимое православными) о клятвѣ, взятое изъ словъ апостола Павла: „Люди клянутся

творной ласки; влилось оно цѣлымъ золотымъ снопомъ и въ окно Семеновой хаты и привѣтно разсыпалось на восковомъ личикѣ Ганночки; но закрытыя глазки не дрогнули, а на ея полуоткрытомъ ротикѣ казалось еще вѣетъ послѣдній кроткій вздохъ. Какъ предъ образомъ свѣчечка, тихо догорѣла маленькая жизнь Ганночки и въ небѣ прибавилось еще однимъ свѣтлымъ ангеломъ.

Въ это же время Олеся, сидя въ сторонѣ отъ костра, на душистой копицѣ сѣна, всю ночку, не смыкая заплаканныхъ очей, все думала, да гадала о своей горькой долѣ, о покинутой больной Ганночкѣ; а когда всколыхнула алый пологъ надъ царственнымъ ложемъ все еще нѣжившагося въ сладостныхъ снахъ солнышка, она торопливо встала; оглянулась на притухшій костеръ, гдѣ еще спали свекоръ и свекровь, у груди которой, закутанной въ деругу, спалъ Петрикъ, и, поправивъ съѣхавшій съ головы платокъ, взялась за весло.

— Куда ты, Олеся?—спросилъ Андрей, лѣниво подымаясь съ влажнаго сѣна, и, ежась отъ утренняго холодка, набросилъ на себя свитку.

— Поѣду, Андрійко, до дому, отвѣдаю Ганночку... бо такъ на моемъ сердцѣ нудно, да цяжко!.. щось воно чуе, да не скаже... пойду, святкуючи, до знахара, можа вонъ що порадзиць мнѣ.

— Отъ що придумала, дурна баба! въ церковь святкуючи идзи, къ Господу Богу, а не къ знахару; забыла, що бацюшко говорывъ, що знахари—это слуги дьявола,—сердился Андрей.

Спустя часъ, Олеся обнимала холодное, восковое тѣльце своей Ганночки и, обливаясь слезами, причитала нараспѣвъ: „охъ моя жъ ты донечко-о-о! охъ моя жъ ты квѣ-точко!.. да твои жъ губоньки не привитаюць мене.. да твое жъ рученьки не пригорнуць мене, да твои ноженьки не споткаюць мене... да ты-жъ всю ноченьку мене ждала, да сама одненечка помира-ла!..

Похоронивъ Ганночку, Олеся все свое вниманіе отдала Андрею и, вглядываясь въ его „цьмяный видъ", ласкаясь къ нему, говорила: охъ Андрейко мой, яка несчислима нудзьга на моемъ сердцу!.. щось воно чуе, да не скаже...

А равнодушное теченіе времени все шире, все могучѣй развивало драму въ домѣ простака Семена: Грипина упорно преслѣдовала своею местью разлучницу Олесю; а Андрей для нея былъ уже кошмаромъ, отъ котораго нужно было уйти, избавиться навсегда; но онъ и самъ никого не замѣчалъ возлѣ себя и все больше недомогалъ, остро чувствуя боль въ желудкѣ и тошнотворную жажду, и жадно пилъ свой любимый вареный медъ, который Олеся сама варила, и ставила въ бутылкахъ, въ прохладныхъ сѣняхъ. Однажды, придя раньше съ поля и найдя дверь запертой на задвижку, Олеся заглянула въ щель сѣней: предъ ея глазами замелькали руки Грипины, торопливо сыпавшія сѣрый порошокъ въ бутылку съ медомъ. „Охъ мнѣ горенько! это жъ вона насыпала „любиснику" въ медъ, щобъ Андрей полюбивъ ее", — въ ужасѣ подумала Олеся... А вечеромъ, выйдя на перекрестку и ставъ лицомъ на „всходъ совнейка", перебросила ту бутыл-

Высшимъ и клятва въ удостовѣреніе оканчиваетъ всякій споръ ихъ", такими разсужденіями: „Слова Павла о томъ, что люди клятвой разрѣшаютъ спорныя дѣла, означаютъ то, что Павелъ говорилъ о тѣхъ людяхъ, которые не вѣрили во Христа, т. е. не о Церкви" (Стр. 30). Но откуда вывелъ такое заключеніе Мурашка? Откуда?—онъ не говоритъ. Что апостолъ Павелъ именно имѣлъ въ виду здѣсь христіанъ, а не язычниковъ, это мы видимъ изъ другихъ его словъ. Онъ говоритъ, что клятвопреступники наравнѣ съ другими тяжкими грѣшниками царствія Божія не наслѣдуютъ (1-е къ Тимоѳею 1, 9 и 10). Разъ клятвопреступникъ есть величайшій грѣшникъ, то, слѣдовательно, клятва есть священное дѣло, и клятвѣ апостолъ придавалъ огромное значеніе. А если бы клятву апостолъ вообще считалъ дѣломъ грѣховнымъ, то тогда онъ такъ бы и сказалъ, что произносящій клятву царства небеснаго не наслѣдуетъ; однако, святый и верховный апостолъ не только не сказалъ этого, но ясно разграничилъ два понятія: лицо, употребляющее клятву правдиво, и лицо, которое нарушаетъ клятву. Таковаго апостолъ называетъ клятвопреступникомъ, ненаслѣдующимъ царства небеснаго. И нигдѣ нѣтъ въ словѣ Божіемъ запрещенія присяги или клятвы. Спаситель (Матѳ. 5, 38) нисколько не запрещаетъ истинной клятвы, Онъ запрещаетъ только клятву во лжи, а чтобы люди не употребляли ложной клятвы иногда по ошибкѣ, Онъ говоритъ: „Употребляйте слова: да, да, нѣтъ, нѣтъ". Апостолъ Іоаннъ Богословъ свидѣтельствуетъ, что самъ Ангелъ клялся именемъ Божіимъ (Откровен. 10, 5 и 6 стихъ).

Неужели Мурашка заподозритъ Ангела въ томъ, что онъ нарушилъ заповѣдь Божію?!

Въ 15-й главѣ Мурашка повторяетъ свою мысль объ убійствахъ, а въ 16-й призываетъ подчиняться только тѣмъ властямъ, какія ему нравятся. Но апостолъ Павелъ не такъ разсуждаетъ, онъ говоритъ такъ: „Всякая душа да будетъ покорна предержащимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены; посему, противящійся власти противится Божію установленію" (Римлянамъ 13, 1 и 2). Апостолъ Петръ требуетъ повиновенія всякому человѣческому начальству (1 Петра, 2, 13 и 14). Мурашка говоритъ, что, если бы апостолы не противились власти, то ихъ бы не казнили; но я въ этомъ вижу какъ разъ повиновеніе власти, ибо, если бы апостолы не захотѣли бы повиноваться властямъ, то они приняли бы всѣ мѣры для того, чтобы избѣжать этой казни, но они этого не сдѣлали, значитъ, апостолы во всемъ высказывали повиновеніе властямъ. Можно не повиноваться только въ томъ случаѣ, если власть требуетъ отъ насъ отречься отъ своей религіи, здѣсь уже мы воздаемъ „Божіе Богови"; а все другое—„кесарево кесареви". Въ 17-й главѣ Мурашка открыто призываетъ къ бунту, если государственная власть требуетъ воинской повинности. Мы уже говорили выше нѣсколько разъ о томъ, что война не есть убійство, что защита своего отечества оружіемъ не есть преступленіе.

Въ главѣ о поклоненіи священству Мурашка возмущается тѣмъ, что священникамъ цѣлуютъ руки, но ничего въ этомъ обычаѣ предосудительнаго нѣтъ. Мурашка въ этомъ наблюдаетъ одну только внѣшнюю сторону дѣла, и совершенно выпускаетъ изъ виду внутреннюю. Тѣлесное цѣлованіе дѣйствительно православные производятъ, но въ душѣ каждый сознаетъ, что онъ этимъ выражаетъ честь тѣмъ благодатнымъ дарамъ Святаго Духа, которые почиваютъ на священнослужителѣ. Это нисколько не оскорбляетъ Бога, какъ не оскорбляетъ Высшихъ Государственныхъ Властей то, что солдаты отдаютъ честь рукой одинаково, какъ Главѣ Государства, такъ и министрамъ, генераламъ и младшимъ офицерамъ. Какъ не оскорбительно для нашихъ родителей, что мы одинаково цѣлуемъ какъ ихъ, такъ и чужихъ, но знакомыхъ намъ почтенныхъ людей; такъ не оскорбительно для Іисуса Христа было то, что кровоточивая женщина прикоснулась (поцѣловала) не самого Іисуса Христа,

---

ку съ медомъ чрезъ свою голову, назадъ себя, приговаривая: „все лихе пропадзи и мене обійдзи" —и не осматриваясь, вошла въ хату, увѣренная, что отстранила отъ себя все зло, а того не знала, что и въ другія три бутылки насыпанъ былъ такой же порошокъ, который Грипина добыла за большія деньги у бродячаго по селамъ знахаря, по промыслу—портного.

Но заклинаніе Олесею зла не помогло: Андрей, уже не вставая съ постели, мучимый жаждой и тошнотой, выпилъ въ одинъ день весь медъ и въ страшныхъ судоргахъ отдалъ Богу свою простую душу.

Выголосивъ всѣ свои скорбныя слезы, Олеся молча, какъ завороженная богами статуя горя, сидѣла у ногъ покойника; а когда крышка вѣчнаго покоя опустилась надъ гробомъ, она встала; съ горящими глазами, потрясая своимъ слабымъ кулакомъ, въ сторону Грипины, задыхаясь крикнула:

— Ты... ты, вѣдзьма, сгубила мойго Андрея!.. ты „любисьникъ" ему подсыпала... слѣдъ его выймала... сушила .. свѣчку зломала!.

Хоронившій Андрея отецъ Ѳеодоръ вздрогнулъ. Въ этомъ кричащемъ горѣ-страданіи онъ услышалъ, сердцемъ почувствовалъ кому-то грозный упрекъ, горячую мольбу погибающихъ въ безпросвѣтной тьмѣ; ему стало невыносимо больно, отъ горькаго сознанія, что эта горячая мольба—гласъ вопіющаго въ пустынѣ, что эта вѣковая, народная темнота стала уже второй натурой Полѣсскаго крестьянства; а натуру измѣнить не возможно; ее можно только, какъ шероховатый камень, сглаживать, смягчать теплымъ словомъ любви и чудеснымъ словомъ Божіимъ.

Проникнутый до глубины души этимъ сознаніемъ, о. Ѳеодоръ, какъ добрый отецъ духовный, сердечно проговорилъ:

— Грѣшно отчаяваться, Олеся: не забывай, что есть любящая тебя моя семья, гдѣ ты провела все свое дѣтство и гдѣ ты научилась любить церковь; спѣши скорѣй, подъ Ея святой покровъ, гдѣ ты всегда найдешь исцѣленіе души, отъ унынія и утѣшеніе въ самомъ большомъ горѣ.

Чрезъ два мѣсяца у Грипины родился второй сынъ Иванко, а еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и у Олеси родился сынокъ Кирейко и обѣ женщины, повѣсивъ колыбельки въ разныхъ углахъ большой хаты, занялись своими малютками и на время забыли свои невзгоды...

Такъ вотъ незамѣтно, сельски — однообразно прошло еще нѣсколько лѣтъ. Время — цѣлитель все сгладило, все утишило въ кроткой душѣ Олеси и до поры до времени какъ бы затушевало черные штрихи яда и въ преступной душѣ Грипины. Сыновья ея Петрикъ и Иванко, крѣпкіе мальчики, первое лѣто уже самостоятельно пасли свой скотъ, а Олесинъ Кирейко, какъ младшій, былъ у нихъ подпасычемъ.

Жарко было и сильно припаривало, когда однажды пастушки, въ томъ числѣ Петрикъ и Иванко, подогнали коровъ къ лѣсу, въ тѣнь, а сами занялись играми—Кирейко, какъ подпасычъ, все время бѣгалъ, отгоняя коровъ отъ посѣва. Усталъ бѣдный мальчикъ; жарко ему и онъ прилегъ подъ ракитовымъ кустомъ, спрятавъ только голову въ его маленькой тѣни, и загдядѣлся на бабочекъ—надъ кустомъ колокольчиковъ

а его одежды (Луки 8, 44). Вотъ и всѣ разсужденія, какія привелъ Мурашка въ своемъ сочиненіи о православномъ ученіи. Какъ видитъ читатель, ничего серьезнаго имъ сказано не было, а всѣ его разглагольствованія представляютъ пустой, безмысленный наборъ фразъ. Я бы съ своей стороны посовѣтовалъ подобнымъ господамъ „Мурашкамъ" заниматься трудомъ, а не бумагомараніемъ, и не смущать этимъ души вѣрующихъ людей. Въ дальнѣйшихъ главахъ Мурашка разглагольствуетъ о томъ, какъ онъ получилъ Духа Святаго, и вообще такъ заврался, что Хлестаковъ, извѣстный гоголевскій герой, только бы ротъ открылъ отъ удивленія и сказалъ: „Ну, братъ Мурашка, я вралъ и морочилъ людей, но мнѣ далеко до тебя! Я морочилъ людей враньемъ житейскимъ, а ты кощунствуешь словами Божіими"...

Іосифъ Перетрухинъ.

Хроника.

Пребываніе Его Блаженства въ Іерусалимѣ и Палестинѣ. 22 апрѣля с. г. въ Великую Пятницу утромъ Его Блаженство, Блаженнѣйшій Митрополитъ Діонисій со своими спутниками прибылъ во Св. Градъ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню и другимъ святынямъ и былъ гостемъ Блаженнѣйшаго Іерусалимскаго Патріарха Даміана. Послѣдній отнесся къ Его Блаженству съ самымъ сердечнымъ вниманіемъ и окружилъ его во все время пребыванія во Святой Землѣ истинно отеческою попечительностью. Къ Его Блаженству былъ прикомандированъ кандидатъ Московской Академіи архимандритъ Каллистъ и въ его распоряженіе былъ отданъ Патріаршій автомобиль, комнаты Патріарха и его столъ.

Прямо съ вокзала Его Блаженство со спутниками прослѣдовали въ храмъ Воскресенія, гдѣ была церковная встрѣча у Гроба Господня. Его Блаженство въ мантіи приложился къ камню Помазанія, ко Гробу Господню и къ Голгоѳѣ, а затѣмъ всѣ направились къ Патріарху. Владыка Митрополитъ произнесъ привѣтственную рѣчь, на которую Блаженнѣйшій Патріархъ отвѣтилъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, отмѣчая свою радость по поводу прибытія въ Іерусалимъ Главы святой Автокефальной Церкви и благожеланія Польской Православной Церкви.

Затѣмъ, въ 2 часа дня была отслужена Патріархомъ вечерня Великой Пятницы, въ присутствіи Владыки-Митрополита и его спутниковъ. Въ 9 часовъ вечера была отслужена св. Патріархомъ утреня Великой Субботы, съ выносомъ Плащаницы, при участіи Преосвященнаго Алексія, который удостоился возложить св. Плащаницу на Гробъ Господень вмѣстѣ съ греческимъ Митрополитомъ Поликарпомъ.

Пасхальную заутреню и Литургію Св. Патріархъ Даміанъ служилъ вмѣстѣ съ Его Блаженствомъ и Преосвященнымъ Алексіемъ, которые произносили возглашенія по-славянски. Въ службѣ участвовалъ также и о. протоіерей М. Борецкій. Въ 12 часовъ дня въ Свѣтлое Воскресенье Св. Патріархомъ, въ сослуженіи представителей Польской Церкви, была отслужена торжественная Пасхальная Вечерня, за которой Владыка Митрополитъ прочелъ Евангеліе по-славянски.

На 2-ой день Св. Пасхи Его Блаженство вмѣстѣ со спутниками посѣтилъ Виелеемъ и молился за свою паству у яслей Господнихъ, а вечеромъ сдѣлалъ визитъ Высокому Комиссару Англійскаго Правительства, который принялъ Владыку-Митрополита, Преосвященнаго Алексія и г. Маріана Боровскаго съ исключительной любезностью и вниманіемъ. Отъ г. Комиссара Его Блаженство направился на гору Елеонскую, гдѣ былъ на мѣстѣ Вознесенія Господня, въ Малой Галилеѣ и въ женской русской обители.

На 3-й день Св. Пасхи Его Блаженство со спут-

душистыхъ, и на выплывшую, маленькую грязно-бурую тучку...

Закружились ласточки, низко припадая къ землѣ; поплыли сѣрыя тѣни волнами по ржи, тревожно заворчалъ нахмуренный лѣсъ; тучка поднявшись выросла и спрятала солнце; капнуло нѣсколько крупныхъ капель дождя. Петрикъ, Иванко и еще два пастушка, тѣсно прижавшись другъ къ другу у ствола небольшого дуба, покрыли свои головы старой свиткой, съ которой полѣсскій крестьянинъ разстаться не можетъ и въ жаркіе дни.

Прибѣжалъ и Кирейко къ нимъ и подсунулъ свою головку подъ край свитки.

— Ну, и ты ще лѣзешь сюды... уцекай!.. намъ и такъ тѣсно! — возмутился Петрикъ и его упругія ноги ловко вытолкали изъ подъ свитки уступчиваго мальчика.

Огненной лентой перевилась бурая туча и раскатился громъ. Кирейко, какъ муха, опять перелетѣлъ подъ ракитовый кустъ и упалъ отъ страха; ему показалось, что возлѣ него звякнула, упавшая съ высоты, тяжелая жесть, сверкнувъ ослѣпительнымъ пламенемъ, и въ ту жъ минуту лѣсъ, какъ во время молитвы душа, благоговѣйно затихъ; дымчатой лавой, какъ слезы всего міра, хлынулъ дождь и туча, растаявъ въ немъ, опять открыла привѣтливо—родное солнышко, отразившееся полностью въ каждой каплѣ, на каждомъ листочкѣ дуба, вѣтки котораго низко склонились надъ пастушками-мальчиками, подъ мокрой, почернѣвшей свиткой. Половина дуба свалилась.

— Хлопцы! вставайце!.. уже совнейко играе! — весело крикнулъ Кирейко, выползая изъ подъ ракитоваго куста,—ось, ни гримоты, ни моланки не спужалиса, дай позасыпали!—выкручивая отъ дождя штанишки, подсмѣивался мальчикъ.

И Кирейко не ошибся: четыре пастушка, въ томъ числѣ и Петрикъ и Иванко, убитые громомъ, спали вѣчнымъ сномъ...

Грипина, къ удивленію постороннихъ, не причитала надъ своими сыночками; на блѣдномъ лицѣ ея отпечатался ужасъ. Ей казалось, что эти два гробика она своими руками предуготовила для нихъ и когда вошелъ о. Ѳеодоръ и при общемъ удрученномъ молчаніи облачился въ ризу, она повалилась ему въ ноги и, цѣпляясь за ризу, простонала:

— Бацюшко! родненькій, ратуйце.. согрѣшила я... охъ, цяжко, цяжко я согрѣшила; — и вдругъ растерянно оглянувшись, Грипина замолчала; безотчетный страхъ предъ людскимъ судомъ заставилъ ее выбѣжать изъ хаты и забыть, что отъ справедливаго суда Божія ни уйти, ни спрятаться нигдѣ не возможно..

На другой день все село провожало къ мѣсту упокоенія четыре гроба; тамъ ихъ опустили въ общую могилу; водрузили надъ ней высокій крестъ, на вѣчную память...

Одряхлѣлъ Семенъ совсѣмъ отъ горя и все сидѣлъ на призьбѣ, дымя свою засаленную трубку и вытирая рукавомъ рубашки свои слезящіеся глаза. Въ своемъ горѣ онъ винилъ только себя:

— Эхъ, старый хрѣнъ я!.. на що было мнѣ жениться?.. на богатство польстивса, на... тьфу!—отпле-

никами молился въ Геѳсиманіи, въ Геѳсиманскомъ саду, въ церкви св. Маріи Магдалины (русской), на Страстномъ Пути, на мѣстѣ Преторіи, на мѣстѣ рожденія Богоматери, а также осматривалъ мечеть Омара и посѣтилъ церковь и зданія Русской Духовной Миссіи. Вечеромъ того же дня Его Блаженство со своими спутниками подробно осматривалъ храмъ Воскресенія Христова и ризницу, а также прикладывался предъ отъѣздомъ еще разъ ко Гробу Господню и другимъ святынямъ.

Въ Свѣтлую Среду Его Блаженство со спутниками былъ на берегу Мертваго моря, въ монастырѣ преподобнаго Герасима, въ обители Св. Предтечи и Крестителя Іоанна и на Іорданѣ где было совершено въ лодкѣ великое освященіе воды. Затѣмъ былъ посѣщенъ Іерихонъ, воды Елисеевы въ Іерихонѣ и осмотрѣна гора искушеній.

Въ Свѣтлый Четвергъ Его Блаженство и его спутники простились со Святѣйшимъ Патріархомъ Даміаномъ, который подарилъ Его Блаженству на память роскошный жезлъ, спутникамъ Владыки икону Воскресенія Христова съ частицею Животворящаго Креста и камня отъ Гроба Господня, а представителя Польскаго Правительства г. Маріана Боровскаго пожаловалъ командорскимъ крестомъ ордена Гроба Господня,—и затѣмъ всѣ отправились въ Назаретъ. По пути была остановка у колодца Самарянки, были осмотрѣны горы Ѳаворъ и Ермонъ, а вечеромъ въ Назаретѣ Его Блаженству была устроена Митрополитомъ Клеопой торжественная встрѣча въ храмѣ на мѣстѣ Благовѣщенія. Кромѣ того, было осмотрѣно жилище и гробница св. Іосифа Обручника.

Въ Свѣтлый Пятокъ Его Блаженство со спутниками пребывалъ въ Канѣ Галилейской, осматривалъ на мѣстѣ перваго чуда сосуды каменные (водоины), а затѣмъ прослѣдовалъ въ Тиверіаду, Виѳсаиду и Капернаумъ, расположенные на берегу евангельскаго Галилейскаго езера. Въ 12 часовъ дня на станціи „Самохъ“ Его Блаженство сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги для слѣдованія въ Дамаскъ.

Пребываніе Его Блаженства въ Дамаскѣ. 30 апрѣля и 1-го мая с. г. Блаженнѣйшій Митрополитъ Діонисій пребывалъ въ Дамаскѣ, гдѣ осматривалъ Патріархію, окно св. Апостола Павла, мѣсто крещенія Св. Савла (Ап. Павла), жилище преподобнаго Іоанна Дамаскина, а также мечеть Омайядовъ. Вечеромъ 30 апрѣля Его Блаженство, въ сопровожденіи Преосвященнаго Алексія и личнаго секретаря святѣйшаго Патріарха Антіохійскаго Григорія, отправился изъ Дамаска въ Седнайскій женскій монастырь, гдѣ Патріархъ временно пребываетъ для отдыха. Его Блаженство былъ встрѣченъ духовенствомъ въ облаченіяхъ, монахинями и народомъ съ хоругвями и иконами, принялъ торжественную церковную встрѣчу, а затѣмъ прослѣдовалъ къ святѣшему Патріарху. Послѣдній встрѣтилъ Владыку у порога своего жилища и принялъ его, какъ своего возлюбленнаго сына. Со слезами старецъ Патріархъ выразилъ свою радость, что Господь сохранилъ ему еще часть зрѣнія, чтобы видѣть Главу Автокефальной Церкви и вмѣстѣ любимаго по архіерейству сына (Патріархъ въ Почаевѣ хиротонисалъ Владыку Діонисія во епископа). Сердечная и многосодержательная бесѣда Патріарха съ Его Блаженствомъ и Преосвященнымъ Алексіемъ по разнымъ церковнымъ вопросамъ текущаго момента продолжалась около пяти часовъ, послѣ чего всѣ отправились на отдыхъ. На слѣдующій день въ недѣлю Ѳомину (14-лѣтняя годовщина архіерейства имени Владыки Діонисія) въ монастырскомъ храмѣ была совершена Литургія, за коей поминалось вмѣстѣ съ Патріаршимъ имя нашего Владыки. По окончаніи Литургіи Св. Григорій просилъ Его Блаженство благословить народъ, который съ великимъ усердіемъ и любовію принялъ благословеніе нашего Архипастыря. Такъ какъ на тотъ же день были взяты билеты для слѣдованія пароходомъ изъ Бейрута въ Европу, — Его Блаженство не могъ, не взирая на просьбы Св. Патріарха, оста-

---

вывался старикъ, стыдясь самъ себѣ признаться, что не такъ богатство, какъ статность и каріе очи Грипины одурманили его простодушнаго.

Олеся одна съ батракомъ кое какъ управлялась по хозяйству; а Грипина, спустя нѣсколько дней послѣ похоронъ своихъ сыновей, пропала безслѣдно...

„Ци втопиласа вона зъ горя, ци вовки заѣли у лѣси“,—порѣшили крестьяне и успокоились.

— О... цеперь уже и моя черга пришла, — спокойно проговорилъ Семенъ, — бери жъ Господи, бери мене хучѣй, къ моимъ сыночкамъ,—складывая трясущіяся на груди руки, молился онъ...

Грустно въ Семеновой хаци, зимнимъ вечеромъ. На „посьвѣци“, въ тихомъ, ровномъ пламени, трещитъ лучина; монотонно журчитъ веретено въ рукахъ Олеси; Кирейко перелистываетъ рваный букварь; приплетаетъ ушко за ушкомъ, на лаптѣ, батракъ... только старый Семенъ ничего не дѣлаетъ, а согнувшись сидитъ предъ посвѣтомъ, да лучину въ огонь подкладываетъ.

Вотъ стукнула закрутка дверная, въ сѣняхъ; скрипнула дверь въ хату и вошла женщина, вся запорошенная снѣгомъ.

— Грипино!.. ой, Боже жъ мой!.. откуль ты? — воскликнула въ испугѣ Олеся.

— Не пужайцеса... я скоро пойду отъ васъ... я пришла... я пришла, по прощоное слово, - съ мольбой, тревожная, исхудалая отвѣтила Грипина и, протянувъ руки къ образамъ, рѣшительно продолжала:

— Пречиста Покровонька и Спасъ миленькій нехай чуюць, що я несчастлива скажу тобѣ, Семенъ: я по оброку дванадцать церковокъ обыйшла... сповѣдаласа, причащаласа и думала, що уже отмолила свой цяжкій грѣхъ..., а Господь миленькій не примае мене, не дае спокою моей душѣ грѣшной, — и подавивъ рыданіе, Грипина наконецъ высказала то, что леденило ея заговорившую душу и совѣсть:

— Семенъ! проклятуща была тая пора, якъ ты вѣнчався зо мною! бо я, твоя жинка... я сгубила твоего сына Андрея; я поипа его „любисьникомъ“—отрутою, бо я... я сердца свойго не посилѣла, не счуняла, а Богъ покаравъ меня... побивъ моихъ сыночковъ... Охъ, карайце жъ и вы мене, якъ хочеце карайце!.. я пришла по прощеное слово... дайце жъ мнѣ его, дайце гэто прощоное слово, я въ своемъ сердцу понесу его по бѣлу свѣту и всимъ скажу, що согрѣшила я,—безутѣшное рыданіе потрясло грудь кающейся грѣшницы; голова ея стукнулась объ полъ... Олеся судорожно всхлипывала, припавъ головой къ куделѣ. Семенъ, какъ покойникъ, блѣдный всталъ... пошатнулся и опять сѣлъ: понатужившись, съ помощью палки, всталъ и его трясущаяся рука упала на голову Грипины и силилась поднять ее, эту дорогую ему когда то женщину... уста его беззвучно шевелились... вспыхнулъ на посьвѣци колеблющійся огонекъ... и — погасъ, какъ бы подчеркнувъ безпросвѣтную темноту этихъ трехъ разбитыхъ жизней...

Софія Прорвичъ.

ваться болѣе и простился съ нимъ, напутствуемый благожеланіями старца-Патріарха, который благословилъ Владыку Митрополита и Преосвященнаго Алексія иконками; а спутникамъ ихъ переслалъ масло отъ лампады при Сэднайской чудотворной иконѣ Божіей Матери.

У насъ.

Въ различныхъ городахъ Польши, какъ провинціальныхъ, такъ и въ столицѣ государства, Варшавѣ, **происходитъ подготовка къ выборамъ въ органы городского самоуправленія.** Изъ крупныхъ городскихъ центровъ выборы эти затронутъ въ ближайшее время Варшаву, Вильну и Люблинъ. О значеніи варшавскихъ городскихъ выборовъ не только въ муниципальномъ, но и обще-политическомъ отношеніи мы писали въ одной изъ предыдущихъ нашихъ статей. Въ настоящее время можемъ отмѣтить, что число группъ, выступающихъ въ варшавскихъ городскихъ выборахъ, довольно значительно и равно, приблизительно, полутора десятку. Польская общественность представлена двумя большими политическими блоками—консервативно-національнымъ и радикально-демократическимъ, націнальной рабочей партіей, польской соціалистической партіей и нѣсколькими болѣе мелкими группами; еврейское населеніе Варшавы объединено еврейскимъ національнымъ блокомъ и нѣсколькими менѣе значительными списками; наконецъ, съ собственнымъ спискомъ, подъ фирмой лѣвой рабочей группы, выступаютъ и собираются принять участіе въ выборахъ польскіе коммунисты. Время выборовъ назначено на 22 мая с. г. и день этотъ, такимъ образомъ, разрѣшитъ вопросъ о составѣ будущей столичной городской думы и дастъ до нѣкоторой степени представленіе о политическихъ симпатіяхъ населенія польской столицы. Предрѣшать, каковы эти симпатіи и какимъ образомъ онѣ выявятся во время городскихъ выборовъ, сейчасъ, конечно, невозможно. Интересно отмѣтить, что во время выборовъ делегатовъ на всестуденческій польскій съѣздъ на собраніяхъ слушателей высшихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ и Познани списокъ польскаго праваго національнаго блока одержалъ довольно значительную побѣду и польская правая печать сдѣлала изъ этого выводъ о благопріятномъ для правыхъ партій настроеніи польскаго общества. Мы не собираемся вступать въ полемику по поводу этого утвержденія и не думаемъ оспаривать его правильности, поскольку она относится къ настроеніямъ польской студенческой молодежи, но намъ кажется очевиднымъ, что настроенія эти, во первыхъ, могутъ быть недостаточно зрѣлыми и потому недостаточно опредѣленными, и, во вторыхъ, что настроеніе студеческой молодежи не отражаетъ еще настроеній всего населенія городскихъ центровъ государства. Студенческая молодежь принадлежитъ въ массѣ къ т. н. буржуазнымъ и интеллигентскимъ кругамъ, настроеннымъ болѣе консервативно, чѣмъ, скажемъ, рабочій элементъ населенія. Выборы въ Вильнѣ состоятся позже, чѣмъ выборы въ Варшавѣ. Судя по сообщеніямъ печати, избирателямъ въ этомъ городѣ придется выбирать между нѣсколькими польскими, еврейскимъ и общимъ спискомъ другихъ національныхъ меньшинствъ, если между ними будетъ заключенъ блокъ. По свѣдѣніямъ, имѣющимся до сихъ поръ, переговоры о блокѣ ведутся между представителями виленскихъ русскихъ, бѣлорусскихъ, нѣмецкихъ и литовскихъ организацій.

Подготовка къ выборамъ, особенно въ Варшавѣ, поглощаетъ все вниманіе общественныхъ и политическихъ дѣятелей и потому всѣ остальныя стороны политической жизни страны отошли какъ бы на второй планъ. **Политическія партіи, однако, продолжаютъ интересоваться** однимъ весьма существеннымъ для нихъ вопросомъ—**вопросомъ о созывѣ чрезвычайной сессіи Сената и Сейма для обсужденія ряда срочныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ вопроса объ измѣненіи избирательнаго закона.** Какъ извѣстно, вопросъ этотъ былъ поднятъ въ Сеймѣ еще во время его очередной бюджетной сессіи и разсматривался конституціонной комиссіей этой законодательной палаты. Комиссія согласовала и свела къ нѣкоему единству существовавшіе по вопросу объ измѣненіи избирательнаго закона законопроэкты консервативныхъ національныхъ польскихъ правыхъ партій, но разсмотрѣнія вопроса не закончила въ виду перерыва въ работахъ парламента. Перерывъ этотъ произошелъ на основаніу декрета г. Президента Республики о роспускѣ палатъ. Право этого роспуска, какъ извѣстно, предоставлено конституціей Главѣ Государства, который опредѣляетъ время начала и срокъ прекращенія парламентскихъ сессій. На этотъ разъ г. Президентъ Республики прекратилъ работы сессіи тотчасъ же по окончаніи разсмотрѣнія палатами государственнаго бюджета Польши на 1927/1928 годъ, подчеркнувъ такимъ образомъ значеніе закончившейся сессіи, какъ сессіи именно бюджетной. Въ парламентскихъ кругахъ, однако, вскорѣ послѣ перерыва въ работахъ парламента поднялся интересъ къ вопросу о возможности возобновленія работъ сейма и сената путемъ созыва чрезвычайной сессіи парламента. Какъ извѣстно, конституція предоставляетъ Президенту Республики право созыва такой чрезвычайной сессіи, опредѣляетъ тѣ случаи, въ которыхъ созывъ чрезвычайной сессіи необходимъ въ силу самого закона, и, наконецъ, предоставляетъ членамъ парламента право просить г. Президента Республики о созывѣ чрезвычайной сессіи сейма и сената, устанавливая число голосовъ, которое должно быть отдано въ видѣ подписей подъ такимъ ходатайствомъ. Въ виду того, что офиціальныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ правительства, какъ въ области вопроса объ измѣненіи избирательнаго закона, такъ и болѣе конкретно въ области вопроса о времени созыва чрезвычайной сессіи палатъ до сихъ поръ не имѣется, въ парламентскихъ кругахъ, близкихъ къ правымъ польскимъ партіямъ, возникъ вопросъ о необходимости обращенія къ г. Президенту Республисъ ходатайствомъ о созывѣ такой сессіи. Вопросъ этотъ обсуждался недавно президіумомъ народно-національнаго союза, который взялъ на себя инціативу такого обращенія и соглашенія съ другими фракціями по поводу его составленія. Черезъ нѣкоторое время тотъ же вопросъ разсматривался въ партіи „Пястъ", которая также высказалась за созывъ чрезвычайной сессіи законодательныхъ палатъ путемъ соотвѣтствующаго обращенія депутатовъ къ Главѣ Государства, но которая, какъ сообщаютъ газеты, отмѣтила необходимость не обострять этого вопроса и не соединять его съ какими либо выступленіями противъ правительства маршала Пилсудскаго въ виду необходимости считаться съ настроеніями польской деревни, сочувствующей маршалу и возглавляемому имъ правительству. Мы полагаемъ, что въ слѣдующей статьѣ сможемъ сообщить нашимъ читателямъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія по поводу развитія этого вопроса и возможнаго срока созыва сессіи палатъ, если таковой вообще состоится.